Глава 1083: Она может сделать это, так что и я смогу

Ветер внутри и снаружи Мавзолея Книг вдруг остановился, как и все звуки.

Казалось, что весь мир замер, как время, так и пространство.

Две стороны достигли мертвой точки.

Баланс этого мгновения был невероятно хрупким. Любая переменная, дуновение ветра или единственный звук, могли повлечь за собой бесчисленные жестокие убийства, затопив столицу морями огня и крови, сжигая процветание и амбиции в пепел.

Люди нечасто смели принимать решение в важных перекрестках истории.

Сюй Южун доказала, что могла сделать это. Потоки, затапливающие мир, или погружение в бездонную бездну даже не могли вызвать дрожь ее ресниц.

И все знали, что она не станет тихо ждать целую вечность.

Черная кавалерия Имперского Двора стремилась обратно в столицу.

Если Шан Синчжоу не желал принять ее требования, она определенно начнет свое нападение перед их прибытием.

И в этот ключевой момент, как казалось, другой важный человек спал.

Принц Чжуншань посмотрел в направлении этого человека, выгнув лоб.

Никто не хотел видеть, чтобы переговоры между Сюй Южун и Шан Синчжоу прервались, кроме этого его братца.

Принц Сян был экспертом Божественного Домена, обладающим глубокими связями в Имперском Дворе. Он также обладал выдающейся силой в армии.

Если Имперский Двор и Ортодоксия получат серьезные ранения, и эксперты севера и юга будут вступать в череду кровавых битв, кто помешает ему взойти на престол?

Сюй Южун и Шан Синчжоу, вероятно, знали это, но никто из них не упоминал это.

Потому что это также была одна из игровых фишек, которую они использовали для переговоров.

Ключ успеха переговоров все еще зависел на том требовании.

Проблема была в том, что это было такое вызывающее требование, что даже кто-то, у кого не было намерения насчет жизни, как, например, повар-новичок какой-то таверны в западной части столицы, который жил самой посредственной и невероятно сложной жизнью, не посмеет соглашаться. Как мог Шан Синчжоу?

.....

.....

Не было ветра, но край белого одеяния дрейфовал, как бумажный цветок.

По сравнению с настоящими цветами бумажные цветы были чище, проще, и более трагическими.

Сюй Южун стояла на Божественном Пути, держа руки за спиной и глядя вниз на столицу.

У нее было очень спокойное выражение лица, но ее прекрасные и тонкие черты лица, казалось, отдавали грандиозной аурой.

Как будто она стояла перед океаном или наблюдала за миром.

Шан Синчжоу вдруг почувствовал, как будто смотрел на Тяньхай - Тяньхай многих лет назад, когда она все еще была молодой.

Первый раз, когда он увидел ту девушку, был, когда Тайцзун все еще был жив, в Имперском Дворце.

В то время он не ненавидел ее. Наоборот, он восхищался ей, иначе он бы не стал помогать ей взойти на трон.

Тяньхай того времени тоже была очень красивой, но когда она смотрела на ту лошадь или Императора Тайцзуна, у нее всегда было крайне безэмоциональное лицо.

Именно поэтому Шан Синчжоу и восхищался ей.

Если у небес были чувства, они бы тоже старели. Только бесчувственные могли свершить великие деяния.

Шан Синчжоу тоже глубоко восхищался Сюй Южун.

Сегодня, каждое слово, сказанное Сюй Южун, начиная с ее анализа и заканчивая всеобъемлющей ситуацией в ее плане против Принца Чэнь Лю, и до ее последнего описания мира в хаосе, атаковало все то, что он больше всего ценил, до малейшей детали его сердца. В то же самое время она делала другую важную вещь.

Она доказывала себя перед Шан Синчжоу.

Он свергнул правление Божественной Императрицы Тяньхай, вернул правительство Имперскому клану Чэнь, и стал индивидом номер один в мире.

Жизнь Шан Синчжоу достигла идеала. У него не было других желаний кроме этого одного.

Касательно того, выберет ли он сдаться или отступить, Сюй Южун должна была доказать, что могла завершить эту задачу.

Чэнь Чаншэн, возможно, не мог, и даже Юйжэнь не смог бы воплотить предсмертное желание Тайцзуна, потому что они были хорошими людьми.

Но она могла.

Потому что она не была хорошим человеком, как все сегодня доказало.

‘Ты хочешь истребить демонов. Ты можешь сделать это. Ты хочешь, чтобы люди объединили мир. Я тоже смогу сделать это’.

‘И когда придет время, у Попа все еще будет фамилия Чэнь, у Императора все еще будет фамилия Чэнь, а династия людей, записанная в книгах истории, всегда будет иметь фамилию Чэнь’.

‘Есть ли что-то еще, чем можно быть недовольным? Что-то еще, что нельзя уступить?’

Если ее угрозы мечтам Шан Синчжоу, эти вызывающие методы, были волнами, скребущими небо, доказательства, пришедшие с ними, были спокойным подводным миром. Работа этих двоих вместе создавала бесчисленные волны, одну за другой, простираясь в небо и желая сокрушить все сопротивление.

«Ситуацию, сконструированную тобой сегодня, можно оценить идеальной и достаточной большой, чтобы уничтожить мир, и достаточно тонкой, как игла, направленная прямо в сердце. Действительно сложно найти выход».

Шан Синчжоу смотрел на Сюй Южун с восхищением и сожалением: «Так как люди, способные угрожать вам, - это не ваши враги».

У этих последних слов был довольно сложный смысл, и они звучали немного неуклюже, но они понимали, что подразумевалось.

«Чэнь Чаншэн доверяет мне, так что он молчал все это время. К сожалению, он ошибся».

Сюй Южун сказала: «Конечно же, я знаю, что он определенно приготовил кое-какие вещи, так что я тоже подготовилась к ним».

Шан Синчжоу с сожалением вздохнул: «Я не думал, что ты даже не отпустишь его».

Сюй Южун сказала: «Так как я хочу победить вас, я, естественно, сначала должна победить двух ваших учеников».

Какой была причина для того разговора во дворце и разговора за говяжьими ребрышками в Дороге Удачного Мира?

Шан Синчжоу тихо смотрел на нее, и внезапно сказал: «Если бы я не убедил его, возможно, ты бы и правда победила сегодня».

Когда его слова прозвучали, в Мавзолее Книг вдруг поднялся ветер, унося остатки камня и траву на Божественном Пути.

Ветер поднялся, потому что опустилось облако.

Облако на горизонте приземлилось в южных окрестностях столицы, затем дрейфуя к Мавзолею Книг.

Печать Мавзолея Книг, казалось, не оказывала эффекта на это облако. Не прошло много времени, и облако устремилось к основанию Божественного Пути.

Человек, которого Шан Синчжоу упомянул, сидел на облаке. Это был ученый в простой тканной одежде.

Внутри и снаружи Мавзолея Книг десятки тысяч людей, которые увидели этого ученого на облаке, вступили в шокированные обсуждения, а затем разразились радостью.

Сюй Южун посмотрела на ученого средних лет со все еще спокойным выражением лица, но почувствовала легкую усталость на уме.

А затем она испытала легкое презрение, хотя оно осталось у нее на уме.

.....

.....

Ху Тридцать Два смотрел с довольно неприятным выражением лица на плотную толпу людей, собравшуюся у площади.

Когда Чэнь Чаншэн сказал в ресторане на Дороге Удачного Мира, что верил в то, что Сюй Южун не сделает ничего подобного, он был сильно взволнован.

События этого дня доказали, что у его волнения было хорошее основание.

Ань Хуа повела несколько сотен верующих и поклонилась на площади. Пара рук каждого из этих людей сжимала яркий и острый нож.

Их просьба была очень простой. Они молили Попа не покидать сегодня Дворец Ли и не вовлекать себя в дело, имеющее место в Мавзолее Книг.

Если Чэнь Чаншэн не желал соглашаться с их просьбой, они совершат самоубийство перед Чэнь Чаншэном.

Они были самыми рьяными последователями Чэнь Чаншэна, и не было сомнений, что они сделают такое ради Чэнь Чаншэна и великого дела Ортодоксии.

Ху Тридцать Два повернулся к тому тихому холлу. Он еще больше волновался, но это явно было связано с другой проблемой.

Чэнь Чаншэн ничего не сказал этим голосам, пришедшим из-за границ холла.

Старейшина в сером одеянии с кистью нетерпеливо сказал: «Поспеши и скажи этой кучке дураков заткнуться!»

Было невероятно редким явлением встретить человека, который смел относиться к Попу с таким неуважением.

В действительности, когда они впервые встретились на Горе Хань, этот старейшина относился к Чэнь Чаншэну с большим неуважением.

Лорд Демонов тогда хотел съесть Чэнь Чаншэна, а этот старик и тот путешествующий ученый появились вместе.

То, что этот старик появился во Дворце Ли в той каменной комнате и так много дней присматривал за Чэнь Чаншэном, естественно, было по приказам того ученого.

Чэнь Чаншэн был Попом, но он, казалось, был неспособен отказать этому ученому.

И многие люди считали, что у этого ученого были хорошие намерения.

К этому времени Чэнь Чаншэн, естественно, знал личность этого старика.

Он был прославлен на весь мир в эру Тайцзуна, как Рисующий Мудрец, Даосист У.

Он нарисовал все те портреты в Павильоне Линъянь.

В тот день, когда Даосист У вышел из серой стены, Чэнь Чаншэн знал, что Сюй Южун проиграла.

В конце концов, она все еще недооценила его учителя, или, возможно, лучше будет сказать, что она недооценила этих старейшин.

Эти старейшины в точности были теми старейшинами, о которых он подумал на той заброшенной улице в Вэньшуе.

Это были те старейшины, которые испытали бесчисленные войны, кровь и огонь, кто действительно видел, как мир преображается из морей в тутовые поля.

Чэнь Чаншэн и даосист У вышли из холла.

Ху Тридцать Два удивленно посмотрел на старейшину в сером одеянии, но не смел спрашивать. Он сделал шаг вперед, приблизившись к уху Чэнь Чаншэна, и начал мягко наставлять его, как продолжать.

Даосист У становился все более нетерпеливым.

Чэнь Чаншэн посмотрел на серое и мрачное небо, вдруг заявляя: «В атаку».

Кавалерия начала устремляться из Зала Луговой Луны, а вслед за ней поднималась пыль.

Ху Тридцать Два в мгновение изменился в лице. Он хотел поклониться и продолжить молить, но Чэнь Чаншэн отодвинулся.

Тело Ху Тридцать Два наклонилось вперед, к Даосисту У.

В какой-то миг в его руке появился невероятно мрачный кинжал.

Его лицо продолжало быть расстроенным и встревоженным, но у него были невероятно спокойные глаза.

Как и мрачное сияние клинка, летящее по небу, они не привлекали внимания.

Лицо Даосиста У вмиг изменилось, и из его губ вырвался свист. Вместе с его кистью опустилась невообразимо могущественная энергия.

Мрачная ветвь ивы с легким щелчком полетела через воздух, ловя кисть.

Камень Падающей Звезды появился на площади, как бездна Подземного Царства, привлекая внимание всех и создавая барьер.

Кинжал с хлюпом вонзился в ступню Даосиста У, вызывая всплеск крови.

Голова Ху Тридцать Два была опущена, тело было в полупоклоне. Он с бесстрастным выражением лица извлек кинжал и вонзил его в живот Даосиста У.

http://tl.rulate.ru/book/1222/341078